

Желда

"Муко зм"

11
1985

Евгений Сигарев

ДОКУМЕНТЫ И ОРУЖИЕ НЕ БРАТЬ

Через двенадцать морей и четыре океана, через двадцать один порт тринадцати иностранных государств пролег этот путь длиной 28 тысяч 559 морских миль, 3800 из которых пройдено по трассе Северного морского пути. Больше года продолжался этот рейс, о котором знают не многие.

25 ноября 1941 года корабль вышел из Батуми, простился у пролива Босфор с сопровождавшим его эскортом под флагом командующего эскадрой Черноморского флота контр-адмирала Л. А. Владимирского и только в начале августа 1942 года бросил якорь в бухте Провидения. Экипаж ледокола насчитывал сто шестьдесят пять человек.

Достраивающийся линейный ледокол «А. Микоян» для своего времени считался одним из самых мощных ледоколов в мире. При водоизмещении более десяти тысяч тонн он имел три паровых двигателя общей мощностью 10 000 лошадиных сил и развивал ход около 10 узлов. Специалисты считали, что на его достройку потребуется не менее года, но гитлеровские танки уже подходили к Николаеву.

Судостроители и краснофлотцы работали круглые сутки. На ледоколе установили семь 130-миллиметровых и четыре 76-миллиметровых орудия, десять 45-миллиметровых зенитных пушек и четыре крупнокалиберных пулемета ДШК.

В ночь, когда наши войска уходили из Николаева, над городом огромными люстрами повисли осветительные ракеты, высвечивая каждый переулок, каждый двор. «Юнкерсы» бомбили порт и причалы завода. Во время этих налетов моряки впервые увидели своего командира в деле. Капитан 2-го ранга Сергей Михайлович Сергеев спокойно вышагивал по мостику и деловито распоряжался, не обращая внимания на осколки, щелкающие по надстройкам и трубам. Обрубив швартовы и стремительно маневрируя, «А. Микоян» ворвался в зону тени и, потерянный самолетами, двинулся к Севастополю. Здесь, в главной базе флота, полностью загрузились боезапасом, забункеровались углем, приняли в состав экипажа пятнадцать комендоров с линкора «Парижская коммуна» (позже переименован в «Севастополь»).

На пятые сутки, под вечер, к угольной пристани, где стоял корабль, подкатила штабная «эмка», и на борт взбежал рослый, синеглазый военный — капитан 2-го ранга, живо поздоровался с вахтенным у трапа.

— Писатель Соболев, Леонид Сергеевич, — шепотом ответил на молчаливый вопрос краснофлотца старший политрук Новиков. И улыбнулся: — С нами пойдет.

Владимир завороченно смотрел на живого автора «Капитального ремонта». Шутка ли: сам Соболев!

Перед выходом на первое боевое задание коммунисты корабля приняли краснофлотца Владимира Никитенко в члены ВКП (б). Первым поздравили молодого моряка с этим событием «флагманский писатель» Соболев и комиссар Новиков. А Леонид Сергеевич добавил:

— Ну, Никитенко, помни, за что мы с тобой воюем.

Восемнадцать суток непрерывно курсировал вспомогательный крейсер в районе Дофиновки, артиллерийским огнем оказывая помощь обороняющейся Одессе. В момент высадки десанта черноморцев у села Григорьевки — одного из первых десантов периода войны — артиллерия крейсера мощным огнем заставила замолчать фашистские батареи, обстреливающие одесский порт.

Здесь, под осажденной Одессой, и встретил Леонид Соболев сына морского полка, «восьмилетнего мальчика с синими глазами», о котором поведал в рассказе «Одно желание», вошедшем в книгу «Морская душа».

Вскоре «А. Микоян» получил приказ идти в Потти и срочно разоружиться. За ночь стоянки в потийском порту моряки сняли все орудия, свезли на берег боезапас, сдали стрелковое оружие. Только командиру корабля, комиссару и еще семерым представителям комсостава было разрешено оставить по пистолету «ТТ» и по одной обойме патронов для самозащиты. За ночь были составлены списки коммунистов, комсомоль-

цев и беспартийных, на которых возлагалось выполнение правительственного задания особой важности, остальные были направлены для пополнения частей морской пехоты.

Из 130-миллиметровых, 76-миллиметровых корабельных орудий на берегу Гелленджикской бухты была сформирована батарея, покрывшая себя славой в боях за Северный Кавказ, а «сорокапятки» установили на крыше новороссийского цементного завода, откуда они прямой наводкой расстреливали фашистские танки.

Экипаж построили, приказали сдать партийные и комсомольские билеты, награды, фотографии, советские деньги, краснофлотские книжки, переодели в кремовые хрустящие рубашки и черные хлопчатобумажные костюмы, переобули в модные полуботинки, бескозырки сменили на легкомысленные кепочки-пуговики. «Купцы» да и только!

В целях усиления Северного флота было решено провести с Тихого океана сквозь льды Арктики в район Баренцева моря отряд военных кораблей в составе одного лидера и двух эсминцев. Для этого необходимы были ледоколы. Из Черного моря мог выйти только безоружный корабль (таково было условие прохода через проливы Босфор и Дарданеллы) и поэтому ледокол был разоружен.

Перед ледоколом была поставлена сложная задача: во что бы то ни стало прорваться в Средиземное море и связаться с представителями союзной нам Англии, которая обязалась организовать охрану корабля во время его движения на Север... Команда и командир для этого необычного рейса были отобраны из числа тех, кто мог сделать, казалось, даже невозможное.

В Стамбуле советский консул передал приказ Ставки Верховного Главнокомандования: «Ни в коем случае не сдавать корабль врагу, а в случае безвыходной ситуации потопить его».

Он предупредил командира, что турецкие офицеры придут на корабль не только с таможенными целями. Возможны провокации. Однако визит прошел благополучно.

С наступлением темноты пошел дождь, а в 1 час 40 минут боцман Тимофей Мороз был срочно вызван к брашпилю. «А. Микоян», не включая ходовых огней, бесшумно снялся с якоря, за ночь прошел Мраморное море, пролив Дарданеллы и вышел в Эгейское море. Это было весьма своевременно, ибо Стамбул кишмя кишел немецкими шпионами.

Боцманская команда во главе со старпомом пилила, строгала, стучала молотками, придавая ледоколу с помощью досок и фанеры силуэт обычного торгового судна. Парторг В. К. Барковский непрерывно проводил тренировки с группой матросов, которая в случае прямого столкновения с противником должна была вступить в абордажный бой. Другая группа, состоявшая из одних коммунистов, которой руководил Ю. М. Злотник, отрабатывала сигнализацию на случай, если придется взрывать котлы и открывать кингстоны.

Днем, притушив огонь в топках, ледокол отстаивался в маленьких бухточках бесчисленных островов. Дождавшись проливного дождя в одну из ночей, он проскочил незамеченным всего в одной миле от вражеской базы Вати на острове Самос, прижимаясь к азиатскому берегу. Пожалуй, главным испытанием для корабля в этом походе было боевое столкновение у острова Родос.

Командир рассчитывал в темноте проскочить пролив у Родоса, бдительно контролируемый фашистами. Однако поближе к вечеру сигнальщик доложил, что на ледокол форсированным ходом идут торпедные катера.

— Боевая тревога! Стоять по местам особого расписания! — скомандовал Сергеев. Комиссар распорядился надеть спасательные пробковые пояса.

Катера окружили корабль и шли менее чем в одном кабельтове от него. С головного катера в мегафон крикнули на английском языке:

— Куда и зачем следуете? Ваша национальная принадлежность?

— В переговоры не вступать, — тихо приказал командир.

Шли минуты напряженного ожидания. Не дождавшись ответа, катера открыли огонь по кораблю, но быстро его прекратили. Головной торпедный катер поднял сигнал «Следовать за мной» и повернул на Родос. Ледокол продолжал следовать с той же скоростью прежним курсом. Вот уже пройден пеленг поворота, а он и не думает выполнять приказание фашистов. Тогда головной катер снова приблизился вплотную и один из офицеров закричал:

— Вы русские! У вас нет оружия! Сдавайтесь!

И тут старшина В. И. Никитенко не выдержал. Он выскочил из-за укрытия, стремительно включил пожарный гидропульт и ударил струей воды в рупор мегафона. Вслед за офицером под напором воды попадали и комендоры катера, не успев открыть огонь. Когда растерянно хлопнул первый выстрел, Никитенко уже укрылся за бронированной дверью. Около получаса длился обстрел корабля, полным ходом уходившего в сторону Кипра.

Зажимая рукой рану, опустился на палубу сигнальщик Емельян Полищук; был ранен в лицо осколками стекла от разбитого иллюминатора рулевой Михаил Рузаков. Краснофлотцы боцманской команды, не обращая внимания на снаряды, бросились тушить возникающие очаги пожара в районе первой трубы, в каюте командира, в надстройках. Фашисты поняли, что сдаваться корабль не станет.

Над вечерней водой взлетели, хлопнув, три оранжевые ракеты, и катера начали быстро перестраиваться для выхода в торпедную атаку. Эта схватка походила на ближний бой боксеров, у одного из которых руки связаны за спиной. Рассчитывать он может только на быстроту реакции и умение уйти из-под удара.

От нескольких торпед «А. Микоян» уклонился, выполняя спокойные и точные команды С. М. Сергеева, а одна из смертоносных «сигар» пронеслась так близко от кормы, что ее даже подкинуло кильватерной струей. Мастерские маневры корабля привели фашистов в иступление. Они открыли по нему яростный огонь.

Более пятистот пробоин насчитали на другой день моряки в надстройках и трубах, но на бортовой броне ледового пояса остались только вмятины.

Просчитавшись с атакой, торпедные катера вызвали по радио два самолета-торпедоносца, вооруженных смертоносной новинкой — самонаводящимися торпедами, которые сбрасывались на парашютах. Упав в воду, такая торпеда начинала носиться вокруг цели сужающимися кругами, пока не поражала ее. Вырваться из этого кольца считалось практически невозможным. И все же Сергеев вырвался: он резко развернулся на обратный курс и дал самый полный ход машинам. Оставшись с носом, торпедоносцы стали поочередно пикировать на ледокол, поливая его огнем. От прямого попадания снаряда загорелся корабельный катер, груженный канистрами с запасным горючим. Это было страшнее артобстрела. Главный боцман Александр Гройсман, краснофлотцы Владимир Никитенко, Павел Сизов и еще несколько человек, обжигая руки, обрубили тали, и пылающий катер полетел за борт.

К счастью, в это время на место боя напал низкий густой туман, предвещающий наступление ночи, и фашисты потеряли ледокол из виду. Самолеты улетели на Родос, а торпедные катера до утра кружили вокруг огненного пятна, фантастически меняющего очертания на воде. Утром, осмотрев обгоревший остов плавающего катера, они решили, что корабль затонул и это все, что от него осталось.

Через день фашистские газеты и радио, захлебываясь от подробностей, полученных «из первых рук», сообщили о «героическом» бое своих торпедных катеров и о гибели «большого русского крейсера».

А «большой русский крейсер» в это время заканчивал швартовку к топливному причалу Хайфы. Английские моряки, прищелкивая языками, удивлялись:

— Вас же потопили?!

Время торопило. Не мешкая ни часа, личный состав приступил к ремонту корабля. Угля уже почти не осталось, и котлы загасили. По всему кораблю раздавался перестук молотков, настроение было приподнятым — первая часть задачи выполнена.

На следующее утро американский танкер, стоявший у правого борта «А. Микояна», начал сниматься с якоря. Не успела за его кормой забурлить вода от первых оборотов винта, как раздался грохот взрыва и через пробоины в танках хлынула нефть, растекаясь гудящим пламенем по бухте. Ночью фашистские самолеты сбросили на акваторию порта несколько магнитных мин, предназначавшихся для «воскресшего из мертвых» ледокола. Одну из них и зацепил танкер.

Горящая нефть все ближе подступала к ледоколу. С подошедшего к борту спасательного буксира донеслись обрывки английских фраз: «На корабле! Мы... оказать помощь... сумма денег...».

— Ну, дела, — возмутился комиссар М. Ф. Новиков. — Море горит, а они о деньгах!

Буксир еще немного повертелся возле ледокола и полным ходом припустил к выходу из бухты. Долетели слова: «Время вышло...»

Командир корабля вспрыгнул на носовую тумбу, с которой совсем недавно была снята артиллерийская установка, и поднял руку:

— Моряки! Корабль должен выполнить свою задачу, а каждый из нас — свой долг. Если успеем дать ход и выйти из огня — наша взяла, если нет...

Люди сбросили с себя костюмы и выстроились, чтобы по цепочке подавать уголь в кочегарку. В ход пошли обеденные столы, табуретки, все, что могло быстро гореть, ибо запасов угля едва хватило бы на растопку. Черный нефтяной дым застилал уже всю Хайфу. От огня начала потрескивать краска на бортах, когда в одном из котлов удалось поднять пар, и корабль дал самый малый ход вперед.

С подорвавшегося танкера доносились душераздирающие крики о помощи. Некоторые из американских моряков, обезумев от боли, бросались за борт в полыхающую огнем воду. Едва ледокол вышел из пламени, спустили на воду шлюпку, в которую прыгнули Никитенко и еще несколько краснофлотцев. Ежесекундно рискуя вспыхнуть сама, шлюпка шла на помощь танкеру. Командовал ею старший помощник командира Н. Г. Холин. Спасти удалось восемь человек.

Огонь над бухтой полыхал трое суток, сгорело четыре корабля союзников, покинутых командами. «А. Микоян», выйдя на ветер, отстоялся на якоре. Газеты Хайфы восхищенно писали о благородстве и героизме «русских большевиков» и «украинских коммунистов», пришедших на помощь американцам.

Через двадцать суток ремонт был закончен. На пирс под охраной полицейских пригнали около восьмидесяти грузчиков-арабов. Началась бункеровка. Арабы, взвалив на спину мешки с углем, громко крича, семенили по трапу. Считалось, что если грузчик громко кричит, значит, хорошо работает. Среди грузчиков был подросток лет тринадцати, ему не повезло: он поскользнулся и упал. И тут же стек полисмена со свистом ожег его по голой спине. Полисмен замахнулся было вторично, но командир отделения трюмных Андрей Сальников молча схватил его за руку и сжал ее так, что стек упал в воду. Никитенко так же молча поднял мальчишку и увел его внутрь корабля. Перепуганного паренька «отстирала» в душе, нарядили в матросскую робу, до отвала накормили и, вручив ему мешок с шестью буханками хлеба, свели по сходне на берег.

...Створы Порт-Саида. Тяжелый зной соляных промыслов Порт-Фуада обжигает ноздри. Суэцкий канал настолько узок, что встречным судам каждый раз приходится швартоваться к берегу. Администрация канала выделила для этого нашему кораблю обитую верблюжьей кожей лодку и шесть гребцов-арабов. Командир ледокола приказал угостить гребцов и отправить восвояси. Швартоваться решили самостоятельно: пусть увидят капитаны-иностранцы, как умеют работать по авралу советские моряки.

Особенно запомнился команде переход через Атлантический океан от мыса Доброй Надежды до залива Ла-Плата. Несколько суток гудел корпус корабля от многотонных ударов волн, вздыбленных двенадцатибалльным ураганом. Готовить горячие блюда было невозможно, перебивались с винегрета на чай с черными сухарями. Палубные клетки с углем и весь запас мяса — шесть живых африканских коров — на второй день шторма были смыты за борт. Хождение по палубе пришлось запретить: туго натянутые штормовые леера со свистом лопались.

На траверзе островов Тристан-да-Кунья почти рядом с бортом, словно кукушка из настенных часов, вынырнула немецкая подводная лодка. И снова корабль разминулся с гибелью от торпеды, благодаря блестящему маневрированию и бесстрашию С. М. Сергеева. Лодка, выполнив торпедный залп и спасаясь от шторма, быстро ушла на глубину.

В Монтевидео до выяснения причального места стали на рейде. Не успело затихнуть гроыхание якорной цепи, как к борту понеслись шлюпки и катера, с которых нарядно одетые люди громко выкрикивали: «Здравствуйте, други и товарищи!» Улыбающиеся девушки бросали на палубу букеты цветов. На берегу собралась огромная толпа, над которой покачивались яркие плакаты и транспаранты.

Экскурсия по Монтевидео больше походила на триумфальное шествие. Советских моряков буквально выносили из автобуса на руках, обнимали, целовали, скандируя: «Вива Руссия!» Здоровенный, похожий на Тараса Бульбу дядько подкатил прямо к автобусу бочку с пивом, выбил из нее деревянную пробку и, первым осушив кружку, пошел вокруг бочки впрыскаду. Из раструба граммофона, который держал на плече стоявший рядом чубатый гигант, неслись залихватские звуки «Лявонихи». Профсоюзная делегация города преподнесла в подарок экипажу 32-килограммовый шоколадный снаряд, на котором рельефно были оттиснуты советский, английский и американский флаги. За вечерним чаем главный боцман пожарным топором — ножу шоколад не поддавался — разделил снаряд на равные части и торжественно раздал его личному составу.

Представители профсоюзов Уругвая буквально забили трюмы корабля мешками с белой мукой-тридцаткой, игрушками и вещами для советских детей, шерстяными свитерами и обувью для воинов. Вслед отходящему от причала ледоколу летели красные розы и возгласы: «Вива Руссия! Вива победа!» Горожане вскидывали над головами руки, раздвинув средний и указательный пальцы, что означает виктория — победа.

После кратковременных заходов для пополнения запасов угля в Вальпараисо, Лиму и Сан-Франциско, где на борту корабля был устроен прием для сотрудников нашего консульства, «А. Микоян» ошвартовался к пирсу судоремонтного завода в Сиэтле.

На ледоколе снова установили четыре 76-миллиметровых орудия, шесть 40-миллиметровых парных «бофорсов» и восемь крупнокалиберных «эрликонов». Окончание ремонта решили отметить вечером-концертом в одном из самых респектабельных залов Сиэтла совместно с представителями города.

Когда после выступления французской певицы в сопровождении известного джаза объявили, что на сцену приглашаются русские моряки, зрители, не только занявшие все места, но и забившие проходы, разразились громом аплодисментов и одобрительным свистом. Все номера, особенно матросское «Яблочко», были встречены овацией и скандированием: «Браво, русс!»

А когда пришло время уходить на корабль, к переводчику стремительно подбежала стройная девушка, о чем-то быстро спросила его и, обращаясь к трюмному машинисту

Федору Скрипниченко, скороговоркой выпалила: «Фьедьа, йа лублу вы!» Широкоплечий, статный «Фьедьа» остолбенел и стал краснее аварийного буя.

На следующий день девушка письменно обратилась в наше консульство с просьбой разрешить русскому матросу «Фьедье» нанести визит к ней домой. Консул с улыбкой передал просьбу командиру корабля, и Сергеев уволил краснофлотца Скрипниченко согласно Корабельному уставу до 24-х ноль-ноль. Сопроводить Федора — для моральной поддержки — вызвался командир отделения сигнальщиков Емельян Полищук.

Девушка — ее звали Эвелин — оказалась студенткой, ее отец — преподавателем университета, профессором права.

Моряков встретили радушно, усадили за красиво сервированный стол, завязалась беседа с помощью разговорника и жестов. Федор и Емельян слушали музыку Чайковского, Римского-Корсакова, листали семейные альбомы, прихлебывали кофе из непривычно маленьких чашечек. Профессор говорил, что, направив свои танки на Советский Союз, немецкий фашизм сам себе подписал смертный приговор, ибо уж он-то с историей знаком хорошо и знает, что все попытки покорить Россию всегда оканчивались одинаково плачевно для нападающих на нее.

После Сиэтла был последний бросок по дуге большого круга через Тихий океан, и «А. Микоян» вошел в бухту Провидения на двое суток раньше назначенного дня. Опаздывать к началу проводки каравана было никак нельзя, полярная навигация коротка.

На рейде бухты Провидения ледокол уже ожидали лидер, два эсминца и восемь транспортов с танками, оружием, боеприпасами и продовольствием для фронта. Экипаж, переодетый в новенькие, отливающие синевой бостоновые костюмы, был построен по большому сбору. На борт прибыл начальник Главсевморпути, знаменитый полярник, дважды Герой Советского Союза Иван Дмитриевич Папанин. Он поздравил с благополучным завершением трудного и длительного перехода и вступлением «А. Микояна» в строй боевых кораблей советского Военно-Морского Флота. Каждого члена экипажа Папанин по-отечески обнял и расцеловал.

Отозванный в распоряжение Главного морского штаба, улетал в Москву командир корабля Сергей Михайлович Сергеев, которому было присвоено звание капитана 1-го ранга. Когда после традиционного прощания он преклонил колени, поцеловал флаг корабля и сошел по трапу на катер, ряды краснофлотцев смешались. Они бросились к борту и, срывая головные уборы, хором стали скандировать: «Слава нашему боевому командиру! Слава командиру Сергееву!»

Неизменно сдержанный и уравновешенный Сергей Михайлович не выдержал, заплакал. Затем выхватил из кобуры пистолет и дал прощальный салют восемью выстрелами из полученного еще на Черном море «ТТ» в честь родного корабля. Комиссар Новиков и офицеры в ответ по восемь раз выстрелили из своих пистолетов. Так был израсходован весь боезапас, с которым «А. Микоян» обогнул земной шар.

Переход из Берингова в Баренцево море оказался на редкость тяжелым. Иногда караван пробивался в паковом льду по 200—300 метров в сутки. Моряки работали до изнеможения. А когда наконец, преодолев пролив Вилькицкого, миновали Карские Ворота, лидер и эсминцы полным ходом ушли в Мурманск, а транспорты в сопровождении «А. Микояна» направились в Северодвинск. Появилась новая опасность — немецкие подводные лодки и плавающие мины.

26 ноября 1942 года севернее мыса Канин Нос подорвался на mine «А. Микоян», следовавший совместно с ледоколом «Ленин» в охранении эсминца «Урицкий» и двух тральщиков. Мина взорвалась за кормой. Затопило одно машинное отделение и кормовой кубрик, но корабль дошел до Северодвинска своим ходом.

Штурман корабля старший лейтенант Николай Марляя, которому, минуя звание капитан-лейтенанта, сразу присвоили капитана 3-го ранга, стал флагманским штурманом; начальник интендантской службы ледокола Григорий Карченко — начальником снабжения, а корабельный врач Федор Попков — флагманским врачом Беломорской флотилии.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении особого задания правительства, командир «А. Микояна» С. М. Сергеев был награжден орденом Красного Знамени, офицеры, матросы и старшины — правительственными наградами.